

ГАЛИНА ВРУБЛЕВСКАЯ



**ДОМ МЕЧТЫ
И СМЕЖНЫЕ КОМНАТЫ**

ОДИН ОСОБЕННЫЙ РАССКАЗ

Галина Врублевская
Дом мечты и смежные комнаты
Серия «Рассказы,
повести, эссе», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42395994

Аннотация

Повесть о супружеской паре, не желающей отмечать золотую свадьбу.

Галина Врублевская

Дом мечты и смежные комнаты

В дальнем углу комнаты на журнальном столике возвышался метровой высоты кукольный дом или – как его называли коллекционеры – Викторианский «Дом мечты». Лариса Петровна, опираясь рукой о столешницу, грузно опустилась на низенькую табуретку, и теперь крыша с остроугольными башенками оказалась на уровне глаз женщины. Домик, изготовленный из прочного цветного картона, представлял миниатюрную копию настоящего! Передняя стена его распахивалась, как створка окна. Рука женщины отвела мешающий обзору фасад в сторону, и стали видны все три этажа: спальни, гостиные и подсобные помещения, оформленные в старинном английском стиле. На кухне стояла печь с дровяной плитой, в комнате гигиены – ванна с позолоченными ножками, а в гостиной можно было разглядеть игрушечную фарфоровую посуду, отмеченную родовым гербом предполагаемых обитателей домика.

Знакомые и муж Ларисы Петровны относились с мягким снисхождением к этой причуде пожилой женщины, тратящей столько времени и денег на пустое дело. Однако они догадывались об истоках ее хобби. Несколько лет назад сын

Ларисы Петровны с семьей уехал жить и работать в Австралию, а с мужем, обитающим в соседней комнате, отношения ограничивались лишь хозяйственными заботами. Ощущая опустошенность в душе, продвинутая пенсионерка и начала выстраивать этот игрушечный дом – «Дом мечты». Всерьез о таком доме она, разумеется, не мечтала, но узнала о нем в интернете, где нашла подруг по увлечению – ему предавались преимущественно женщины, не имеющие детей или те, чьи дети уже выросли.

Заскрежетал ключ в замке входной двери – от тяжелых шагов заскрипел разохшийся паркет в прихожей – это вернулся из магазина муж Ларисы Петровны. Вскоре он появился на пороге комнаты, где медитировала у своего Викторинского домика супруга. Комнаты были смежными и, проходя в свою, дальнюю комнату, хозяин всегда топал через комнату жены. Лариса Петровна отвернулась от домика и обратила лицо к мужу, но осталась сидеть на своей низенькой табуретке: подниматься из «низкого старта» ей было все труднее, в последние годы донимал суставный артрит. Она только посмотрела на мужа снизу вверх, он ей показался стариком-великаном тоже из каких-то сказок: он и в самом деле был высок!

Великан выглядел неряшливо, его возраст выдавали неопрятная седая борода и седые клочья волос, уползающие к затылку. А густые, будто запыленные, брови и вовсе похо-

дили на брови Деда Мороза – в былые времена, когда сын еще был маленьким, папа всегда исполнял роль этого волшебника под Новый год.

– Что, Циолковский, уже вернулся? Купил, что я просила?

Именем затворника-ученого хозяина дома прозвали давным-давно, еще сокурсники по институту, именно за его неряшливую бороду, отпущенную им с той поры, как она начала у него расти, да и за явную замкнутость, отличающую его среди других парней. Правда, тогда борода была не седая, а темно-кофейного цвета; шевелюра и вовсе – густая и пышная.

– Вот твои лекарства, – Циолковский, шаркая тапками, подошел ближе и выложил из полиэтиленового мешочка на край стола, перед игрушечным зданием, несколько картонных упаковок и таблеток в блистерах. Рядом с домиком они смотрелись, как крупногабаритный груз, выгруженный из фургона.

– Не надо ничего класть на этот столик! Я уже устала напоминать об этом! – Лариса Петровна резко вскочила со скамеечки – ее движение отозвалось болью в коленках. Владелица домика сгребла лекарства двумя руками и переложила их на комод.

– Да, ладно, – супруг виновато спрятал пальцы в бороду. – Я же на минутку, чтобы ты посмотрела.

– Посмотрела, посмотрела! – Лариса Петровна отошла к окну и взглянула во двор, затем резко обернулась, – А парт-

ворк ты мне купил?

Лариса Петровна боялась пропустить очередной выпуск специализированного издания «Дом мечты», где в каждом номере журнала – в патворке – не только печатались прекрасные картинки и статьи о предметах коллекционной утвари для английского дома, но прилагались в целлофановой упаковке пластмассовые или картонные детали, из которых требовалось собрать и склеить очередной предмет обихода волшебного дома.

– Патворк? Нет ... Забыл. Но я завтра ..., – Циолковский, спасаясь от ворчания жены, задом попятился из ее комнаты в свою смежную и плотно закрыл за собой дверь.

Вслед ему донеслось:

– Ты все забываешь, что тебе не интересно. Хоть бы раз подумал о жене, а не только о себе!

Лариса Петровна была явно несправедлива к мужу: лекарства-то он ей купил в аптеке. Но из-за журнала она не на шутку расстроилась, потому что в ближайшем, юбилейном, выпуске журнала издатель анонсировал читателям атрибуты викторианской свадьбы: свадебные цветочные конструкции, электрические свечи, высокий торт из картона. И вряд ли Лариса Петровна так негодовала бы, пропусти она другой патворк, если бы свадебная тема не затрагивала ее в реальной жизни и не была бы столь болезненна. Если бы не обострение артрита, она бы сейчас сама выбежала на улицу за журналом.

Сила вспыхнувшего недовольства никак не соответствовала степени провинности мужа: подумаешь, забыл купить журнал для кукольного дома! Однако за выраженной досадой бессознательно крылась большая обида на жизнь и на супруга.

Лариса Петровна не могла простить мужу то, что месяц назад совершенно бездарно и незаметно промелькнул их золотой юбилей. Да, по обоюдному согласию они договорились не затевать шумного торжества: сын и другие родственники далеко, а кое-кого уже и в живых нет. Знакомые же последних лет не знали их молодыми. Поэтому юбиляры не видели смысла устраивать недешевый вечер с приглашением гостей, а решили посидеть вдвоем за столиком в ресторане. Но накануне памятной даты у мужа обострилась язва, а при ее диабете и так приходилось ограничивать себя в еде. В общем, отказались и от этой затеи и остались дома. Однако позже они зашли в собес и заявили о своем юбилее, поскольку слышали от кого-то, что в таких случаях государство выплачивает кругленькую сумму.

Деньги им перевели на счет быстро, и супруги почувствовали себя богачами. Тут же и приоделись: мужу купили приличный костюм, а жене платье. Вообще-то Циолковский не рассчитывал носить костюм постоянно, но решили, что пусть будет (и также молчаливо подразумевая, что костюм может пригодиться и для проводов в последний путь); а в шкафу хозяйки появилось платье кофейного цвета из тон-

кого трикотажа, с розочкой у ворота и сборками ниже талии, маскирующими несовершенство располневшей фигуры. Платье Надежда Петровна надеялась обновить еще в земной жизни, но повода пока не представлялось.

И когда стал уже забываться незадавшийся юбилей, позвонили представители из районной администрации – в базах данных остались данные получателей субсидии – и пригласили супругов во Дворец новобрачных на чествование золотых юбиляров муниципального округа.

Лариса Петровна сразу согласилась: наконец-то она выгуляет свое новое платье! Но муж неожиданно заупрямился и сказал, что не хочет государственного участия в личной жизни – не хочет, и точка! Уговоры на него не подействовали, и тут у женщины обострился дремлющий артрит: ведь если нет настроения, иммунитет сразу падает.

Раздумывая над своей печальной участью жить с мужем-бирюком, Лариса Петровна вдруг вспомнила, что когда сообщала ему о приглашении от муниципалов, то не сказала, что всем участникам обещан и драгоценный подарок! А подарки он, при всем безразличии к суетным мероприятиям, любил, как вообще любил всё материально-осязаемое. Лариса Петровна порой выбрасывала всякий хлам из квартиры, и тогда разыгрывались нешуточные сражения. Муж отчаянно сражался за каждую коробочку, каждую баночку – за любую упаковку от продуктов. Оправдывался тем, что та коробочка ему нужна для гвоздей, эта для каких-то непонятных шту-

чек, а третья пусть будет про запас. Со временем в его комнате скопилась гора ненужных предметов.

Лариса Петровна, выскользнула из своей комнаты, прошаркала тапками по тусклому паркету, с остатками старого лака, толкнула плечом дверь мужниной комнаты: та поддавалась не сразу. Все двери в доме разошлись и закрывались плохо, но у мужа хватало сил вбить кулаком свою дверь на место – он предпочитал находиться в закрытом пространстве. Когда супруга пробила себе вход и вошла в комнату мужа, Циолковский сидел в кресле перед экраном телевизора, наблюдая за конными соревнованиями по какой-то экзотической выездке. Его телевизор постоянно был настроен только на спортивный канал, и все свободное время супруг проводил, пялясь на экран. Он не только был отчаянным болельщиком футбола или хоккея, но смотрел все подряд: баскетбол, гольф, теннис. И с особенной сосредоточенностью наблюдал конные соревнования по выездке, разбирался во всех аллюрах, тогда как сама Лариса Петровна с трудом отличала рысь от галопа. А иногда, глядя на мужа, на его полуоткрытый рот, раздвигающий седую бороду, начинала подозревать, что стройные наездницы с непременно котелками на голове нравятся ему больше, чем лощенные породистые лошади. Безусловно, пристрастия Циолковского к телевизору она не разделяла и жаловалась при случае подругам, что с возрастом он превратился в законченного домоседа: супруг давно отказался ходить с ней в театры и на концерты. Да и

не было у него времени, поскольку он еще работал.

Пробраться по узкой тропинке среди лежащих внавалку коробок, пакетов и газет: поближе к мужу, пристроившемуся перед телевизором, было решительно невозможно, поэтому Лариса Петровна остановилась на пороге.

– Ты что-то хотела? – хозяин комнаты встряхнул включенной бородой и уменьшил звук телеприемника.

– Послушай, Циолковский. Я тебе не все сказала об этом мероприятии для юбиляров. Муниципалы обещали вручить ценные подарки!

В равнодушном взгляде Циолковского вспыхнул огонек, то ли вызванный словами жены, то ли увиденным на экране: одна из лошадей снесла барьер и скинула всадницу:

– Вот, черт! – с досадой воскликнул он. – Ты говоришь «подарок»?!. Какие у них могут быть подарки – одеяла, покрывала? У нас этого тряпья навалом.

Муж снова зацепился взглядом за экран, поддерживая мимикой следующую наездницу, теперь на белой кобыле, а супруга с досадой, сквозь сжатые губы процедила:

– Что заранее гадать: сходим и узнаем. Кстати, и покрывало бы тебе новое не помешало. Посмотри на свое: совсем изгваздал, сколько раз говорила, чтобы не тащил из кухни еду в свою комнату!

– Ладно, подумаю, – Циолковский не дал жене согласия пойти с ней туда, куда ей хотелось, но и надежду отнимать не стал.

Лариса Петровна сжала губы: думать он, видите ли, собирается! Неделю думал, не додумался! Она резко повернулась на том пороге, где стояла, и направилась в кухню, чтобы заняться ужином.

На кухне настроение хозяйки пришло в некоторое равновесие. Ее неизменно радовало и успокаивало это просторное, сияющее чистотой, заново отремонтированное помещение – лучшее место в квартире. Блестела черным стеклом керамическая поверхность плиты; настраивали на порядок и благоразумие ряд кухонных столов и тумбочек под общей столешницей, имитирующей мрамор; обещали надежность и покой солнечные дверцы шкафчиков из натуральной древесины, покрытой лаком.

На другой стороне кухни, напротив плиты, помещался вместительный угловой диван с обивкой из тисненого бежевого флока – и бархатистого на ощупь, и практичного, хорошо моющегося. Весь дизайн кухни настраивал на оптимистичный лад и неуловимым образом гармонизировал отношения супругов, если им доводилось оказаться здесь вдвоем за обедом или ужином. Тогда они мирно беседовали о бытовых делах, о сыне, внуке. И ссорились на кухне очень редко.

Однако бывали они здесь вместе не часто. Циолковский еще с утра отправлялся на работу, где обычно и обедал, а вечером и выходными дням предпочитал, забрав тарелку с едой, уединиться в своей комнате. Ежедневно по телевизору

транслировались такие интересные соревнования, которые он никак не мог пропустить. Телевизор имелся и в кухне, но располагался высоко, на холодильнике – и чтобы смотреть его, приходилось неловко запрокидывать голову. Никто там и не смотрел.

У Ларисы Петровны в комнате тоже имелся телевизор, она включала его редко, а на кухне у нее обычно бормотал радиоприемник, скорее для фона, чем для получения информации. Почистив картошку и поставив кастрюлю на плиту, она и вовсе выключила бубнящее радио, потому что посторонние звуки мешали ей переживать свою печаль.

Когда нет возможности что-то изменить, надо научиться умело горевать, чтобы в печали растворить свои беды. Лариса Петровна усилием воли остановила еще недавно нараставшее возмущение, постаралась заморозить обиду, отстраниться от текущей ситуации. Ну да, придется смириться с тем, что на праздничный вечер они с Циолковским не пойдут – тяжел он на подъем. И если его давно уже не вытащить ни в театры, ни на концерты, то тем более он не пожелает идти туда, где на них будут глазеть чужие люди. Хозяйка двинулась от раковины к обеденному столу, чтобы протереть его после кулинарных дел, но остановилась на полпути с тряпкой в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.